

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0213>
УДК/UDC 159.9.075, 159.922.8

Культурный жизненный сценарий поколений: эмпирический опыт изучения «изменяющегося в неизменном»

А.М. Рикель¹✉, Е.А. Дорохов^{1,2}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

²Центральный Банк Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

✉ a.m.rikel@gmail.com

Резюме

Актуальность. Увеличение внимания в обществе к проблеме расширяющихся противоречий в социальных установках у молодого и старшего поколения и как следствие возможного конфликта поколений вызывает рост количества исследований межпоколенческих различий в социальной психологии. При этом большинство этих исследований не стремятся разграничить фактор принадлежности к поколенческой и возрастным группам, что вызывает методологическую путаницу в результатах.

Цель. Выявить и описать роль фактора принадлежности к поколению в культурных жизненных сценариях (КЖС) разных поколений современных россиян относительно фактора возраста.

Методы. Эмпирическое исследование (N = 951 чел.) проводилось с помощью модифицированной методики «Линия жизни», а обработка результатов, позволяющая показать различия между факторами поколения и возраста — с помощью Age-Period-Cohort (APC)-анализа.

Результаты. Были подробно описаны выявленные особенности КЖС четырех поколенческих групп и проанализированы возможности исследования КЖС в контексте поколенческого и возрастно-психологического фактора. В частности, было отмечено, что именно так называемое поколение Z продемонстрировало наибольшее число отличий КЖС от других поколений, а также тренд на индивидуализацию жизненных сценариев.

Выводы. Был сделан и математически обоснован вывод о важности продолжения изучения поколений в их социально-психологическом понимании (отдельно от возрастного фактора). Было вынесено теоретическое предложение о пересмотре границ поколений с последующим делением поколений на подгруппы.

Ключевые слова: жизненный сценарий, культурный жизненный сценарий, поколения, классификация поколений, «Линия жизни», поколение Z, зумеры, APC-анализ

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00230, тема проекта «Предикторы психологической адаптации личности в ситуации глобальных рисков цифрового мира: межпоколенный и гендерный анализ».

Для цитирования: Рикель, А.М., Дорохов, Е.А. (2024). Культурный жизненный сценарий поколений: эмпирический опыт изучения «изменяющегося в неизменном». *Национальный психологический журнал*, 19(2), 150–162. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0213>

Cultural Life Scenario in Generations: an Instrument to Study “the Changing in the Unchanged”

Alexander M. Rikel¹✉, Egor A. Dorokhov^{1, 2}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Central Bank of Russian Federation (Bank of Russia), Moscow, Russian Federation

✉ a.m.rikel@gmail.com

Abstract

Background. Increasing social attention to the problem of expanding contradictions in social attitudes among the younger and older generations and, as a consequence of a possible generational conflict, causes an increase in the number of social-psychological studies of intergenerational differences. However, most of these studies do not seek to distinguish between the factor of belonging to generational and age groups, which causes methodological confusion in the results.

Objectives. The aim is to identify and describe the role of the factor of belonging to a generation in the cultural life scenarios (CLS) in different generations of modern Russians in relation to the age factor.

Methods. An empirical study (N = 951) was carried out using a modified ‘Lifeline’ technique. The Age-Period-Cohort (APC) analysis was applied to process results showing differences between generation and age factors.

Results. The revealed features of CLS in four generational groups were described in detail. Also, the possibilities of studying CLS in the context of generational and age-psychological factors were analyzed. In particular, it was noted that it was the so-called generation Z that demonstrated the greatest number of differences in CLS from other generations, as well as a trend towards individualization of life scenarios.

Conclusions. A conclusion was made and mathematically substantiated about the importance of continuing the study of generations in their socio-psychological understanding (separately from the age factor). A theoretical proposal was made to revise the boundaries of generations with the subsequent division of generations into subgroups.

Keywords: life script, cultural life script, generations, generation classification, ‘Life line’ method, zoomers, generation Z, APC analysis

Funding. The study has been supported by Russian Science Foundation (RSF), project No. 22-18-00230, title of the project ‘Predictors of psychological adaptation of the individual in the situation of global risks of the digital world: intergenerational and gender analyses’.

For citation: Rikel, A.M., Dorokhov, E.A. (2024). Cultural Life Scenario in Generations: an Instrument to Study “the Changing in the Unchanged”. *National Psychological Journal*, 19(2), 150–162. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0213>

Введение

Культурный жизненный сценарий (КЖС) различных поколений как объект исследования был выбран нами как комплексная система установок относительно жизненного пути: так, именно сравнение установок является частой целью межпоколенческих психологических исследований (Тихомандрицкая, Рикель, 2022). Очевидно, что, сами по себе, установки подлежат изменениям в течение жизненного пути и жестко привязаны к социальному контексту, однако КЖС позволяет (а) рассмотреть установки в совокупности относительно всей жизни в целом и, что еще более важно (б) рассматривает лишь те установки, которые касаются событий — объективно зафиксированных во времени, свершившихся фактов биографии (например, рождения детей или времени начала и окончания процесса обучения) (Гришина, 2019). Время наступления и характер наполнения таких событий могут считаться объективными переменными, которые можно легче сравнить у нескольких

поколенческих групп без опасения быть обвиненными в отсутствии учета возрастных и иных психологических факторов.

Поколения в данном исследовании нам были интересны в их социально-психологической трактовке как общность людей, объединенных совместным пережитым культурно-историческим опытом и как следствие сформировавших уникальную когорту с уникальным психологическим портретом. В таком ключе поколения понимаются в современной социологии (Левада, 2011; Howe, Strauss, 2018; Радаев, 2020; White, 2013) и социальной психологии (Марцинковская, Полева, 2017; Розин, 2017; Сиврикова и др., 2019; Lyons et al., 2019; Rikel, 2019). В данном исследовании использовалась классификация В. Радаева, которая была выбрана нами в силу ее частой апробации в эмпирических исследованиях. В. Радаев выделяет четыре поколения ныне живущих россиян: (1) Поколение Застоя (родилось в послевоенный период (1947–1967 гг.)); (2) Реформенное Поколение (1968–1981 гг.) (родилось в период застойного социализма, а во взрослую жизнь входило в период Перестройки);

(3) Миллениалы (родилось в 1982–2000 гг., но их взросление пришлось на относительно благополучный период); (4) Поколение Z (годы рождения — 2001 и позднее) (Радаев, 2018).

Сам *жизненный сценарий* в психологии операционализируется принципиально различно: (а) через неосознаваемое влияние родителей или автоматизированные заложенные «скрипты» (Life Scripts, 2010), (б) через создаваемую человеком по ходу его жизни систему смыслов, через его нарративы, (в) через творческое структурирование событийной последовательности жизни (Костромина и др., 2018). Подход к жизненному сценарию в русле классического детерминизма «идеологически» лишает человека свободы и субъектности, предполагая примат прошлого над настоящим. С другой стороны, даже исходя из сценария предопределенности, ни один из авторов методологически не «прописывает» механизм передачи трансгенерационного опыта, тем самым «расшатывая» научную основу данной концепции.

В этом контексте именно *культурный* жизненный сценарий, напротив, выступает не как результат пассивного усвоения, а как результат социального конструирования, своеобразное коллективное социальное представление (С. Московиси). Он усваивается и интериоризируется на основании значительного количества факторов, состоящих из личного, семейного, культурного опыта среды и иных факторов.

КЖС может быть исследован, в том числе, в дискретно-событийном ключе (количественный анализ прошедших событий), что реализуется либо в виде вербального самоотчета, либо с помощью графической экспликации / схематизации, либо в виде опросной методики (как в данном исследовании). Любопытно, что КЖС в его проспективной версии отражает не столько типичную, сколько еще и идеализированную будущую жизнь респондента, в том числе играя мотивирующую роль в его развитии.

Методически КЖС делят на ядро (события, указанные более 20% выборки), периферию (4–19%) и несценарные события (менее 4%) (в данном случае к «ядру» относятся сами события, а не представители того или иного поколения, как было описано в обзоре ранее) (Stepankova et al., 2020). Любопытно, что «ядерный» КЖС согласован в рамках некоего универсального межкультурного сценарного минимума: схожие результаты демонстрируют страны как с европейским типом культуры (Россия, Германия, Нидерланды, Дания и пр.), так и с иной ментальностью (Китай, Япония, Мексика, Австралия) (Нуркова, 2018; Jansen et al., 2014; Scherman et al., 2017; Wilkinson, Dunlop, 2022). Так, в универсальное «ядро» КЖС входят «рождение детей» (76,28%), «брак» (64,16%), «поступление в школу» (62,29%), «влюбленность» (37,63%), «получение образования» (32,34%), «смерть родителей» (31,06%) и «первая работа» (29,27%) (Нуркова, 2018).

При этом взрослые россияне, отвечая на вопросы о самых важных жизненных событиях в их жизни, воспроизводят в 80% случаях именно событие из КЖС

(Nourkova, Dnestrovskaya, 2011), и любопытно, что уже 15-летние подростки включают в события своей будущей жизни до 60–70% содержания КЖС.

Большинство исследований, как пишут С.Н. Костромина и коллеги, посвящены связям психологических характеристик личности и особенностям его жизненного сценария (Костромина и др., 2018), при этом удивительно, что влиянию социального контекста на трансформацию КЖС у разных поколений посвящено значительно меньше работ. Наличие факторов, влияющих на формирование КЖС, делает его изучение в контексте поколений особенно интересным; мнения исследователей тут расходятся: некоторые утверждают, что мы можем говорить о ЖС поколения на основе доминирующих ценностных ориентаций (Полюшкевич, 2020), а некоторые — говорят о его стабильной трансгенерационной неизменности (Berntsen, Rubin, 2004).

Нам представляется важным отметить, что если содержание самого перечня событий КЖС и вправду может оставаться неизменным у многих поколений, то отнесение того или иного события к определенному возрасту, его эмоциональное наполнение и главное — отношение к нему — варьируется. Таким образом, КЖС претендует на то, чтобы стать одним из основных объектов для валидного межпоколенческого анализа: ведь изучая КЖС, мы изучаем *изменяющимся в неизменном* — межпоколенческие различия в установках и представлениях относительно стабильной и фундаментальной последовательности событий в жизни человека.

Сам КЖС, рассматриваемый как набор объективно зафиксированных событий является изначально традиционным объектом для исследования в русле социологии, и наиболее стандартные методики его изучения (например, «Линия жизни») так же могут быть отнесены к социологическому инструментарию, однако, существует ряд веских аргументов, позволяющих исследовать КЖС именно как объект социальной психологии.

Во-первых, КЖС может быть изучен не просто как набор событий в рамках жизненного пути, а как система социально-психологических установок, подразумевающих, согласно В.А. Ядову, тесную взаимосвязь с социальными представлениями, диспозициями и ценностными ориентациями.

Во-вторых, методология изучения КЖС подразумевает, в том числе, классический психологический инструментарий (например, анализ нарративов, используемый нами в ряде других исследований).

В-третьих, КЖС может быть встроен в традиционную для психологии школу изучения жизненного пути, жизненных стратегий, жизненных моделей, в разное время изучавшихся К.А. Абульхановой-Славской, Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой, В.В. Нурковой.

Цель описываемого здесь исследования — выявить и описать роль фактора принадлежности к поколе-

нию в КЖС относительно фактора возраста. Методический инструмент достижения данной цели — апробация методологии анализа APC (Age-Period-Cohort), позволяющей разграничить роль фактора возраста и принадлежности к поколению.

В этом смысле исследование подразумевало две последовательно реализуемые **группы задач**:

1. На эмпирическом уровне — описать культурные жизненные сценарии современных поколений россиян, и затем

2. На общеметодологическом уровне — выделить особенности культурных жизненных сценариев поколений на пересечении поколенческого (социального) и возрастно-психологического факторов и, как следствие

3. Сделать вывод о корректности существующей классификации поколений.

Выборка

В исследовании приняли участие 951 человек (66% женщин, 34% мужчин), средний возраст 38,8 лет ($SD = 14,84$), из них 139 человек — представители поколения Застой (старше 54 лет), 315 представителей Реформенного поколения (от 41 до 54 лет), 307 миллениалов (от 22 до 40 лет) и 183 участника поколения Z (от 16 до 21 года).

Метод привлечения респондентов к участию

Выборка привлекалась методом снежного кома с помощью онлайн-анкетирования и ограничивалась людьми, проживающими на территории Российской Федерации.

Методы и методика

Метод исследования

Авторская методика исследования КЖС представляла собой письменную онлайн-версию опросника «Линия жизни», где респонденту предлагалось написать не менее 7 (но не более 12) «важных событий в жизни типичного человека». В нашей модификации опросника мы дополняли эту стандартную формулировку словами «из вашего поколения», а также просили написать типичный возраст наступления этого события. Помимо этого, респонденту предлагалось охарактеризовать каждое событие как скорее, хорошее или плохое (по 7-балльной шкале), а также оценить это же событие глазами своих родителей (как более хорошее или более плохое и как наступающее раньше или позже, чем у своего поколения).

Метод математической обработки

Суть используемого метода APC-анализа заключается в сравнении между собой нескольких регрессионных моделей, в которых учитывается влияния факторов возраста, поколения и времени проведения оценки независимо друг от друга и в различных

сочетаниях между собой (Keyes, Li, 2012). В нашем исследовании для каждого участника были известны только 2 фактора — его возраст и принадлежность к той или иной группе поколения участников, фактор времени проведения исследования был одинаковым для всех участников.

Для оценки значимости учета фактора поколения в изменении той или иной переменной в исследовании использовался результат сравнительного дисперсионного анализа (ANOVA), оценивающий значимость различий двух регрессионных моделей: модели № 1, в которой предиктором описываемой переменной является только возраст участника, а фактор поколения является сопутствующей переменной (Linear Mixed-Effects Models) и модели № 2, где фактор поколения также вводится как предиктор (Generalized Linear Model). В случае если сравнительный дисперсионный анализ показывал значимое различие описанных моделей, учет влияния фактора принадлежности участника к тому или иному поколению признавался значимым — увеличивающим объяснительную способность модели. Если же разница моделей была незначимой, то для оценки связи изучаемой переменной с возрастом использовался корреляционный анализ.

В качестве показателя связи изучаемых параметров с возрастом использовался коэффициент корреляции Пирсона, все указанные далее коэффициенты корреляции значимы на уровне $p < 0,05$.

Метод анализа результатов

Все ответы участников на методику КЖС были отнесены к общим содержательным категориям (общим группам событий по сфере жизни, описываемой в ответе участника) и более частным группам событий по содержанию. К той или иной общей категории событий (Семья, Дружеско-романтическая сфера, Профессионально-карьерное развитие, Армия, Образование) были отнесены 3789 ответов участников из 7201 (52%), а к той или иной частной группе событий — 68%. Для каждой содержательной группы событий были описаны следующие параметры:

1. Фактуальность события — описывает ли ответ участника факт реальной жизни или, напротив, субъективное состояние.

2. Субъект события — кто является главным действующим лицом события — сам отвечающий, его близкие или ответ описывает событие, происходящее в мире без участия субъекта.

3. Эмоциональная валентность события по содержанию — является ли описываемое событие негативным, нейтральным или позитивным с точки зрения общих социальных представлений о событии в культуре.

Результаты

В среднем, каждый участник исследования указал от 7 до 12 событий ($M = 7,83$, $SD = 1,54$). В Таблице 1

представлен частотный анализ событий, перечисленных респондентами (темно-серым цветом в таблице представлено «ядро» сценария, светло-серым — периферия).

«Рождение ребенка» — событие, занимающее первое место по частотности у всех поколений, кроме поколения Z (у «зумеров» рождение ребенка на IV месте). Это можно объяснить юным возрастом респондентов, но любопытно, что и у миллениалов (несмотря на I место этого события в рейтинге) — 31% его все равно не называют. Возможная интерпретация этого факта — отдаленность этого события от момента опроса, а также мода на чайлдфри-настроения в обществе. При этом на первом месте у поколения Z — «появление первых романтических отношений» (59%), у остальных поколений — значимость этого пункта значительно ниже (не выше 23%) и естественным образом обратно пропорциональна возрасту. На втором месте у всех опрошенных — «Свадьба / создание семьи»: этот пункт у всех поколений набирает больше 50%, но меньше всего — у поколения Z (57%), а больше всего — у реформенного (71%). На III месте у всех поколений, кроме миллениалов — «поступление в вуз/ссуз», причем, у миллениалов это событие находится на IV месте (при этом не сильно «отставая» от III места). «Большую покупку» чаще других вспоминают миллениалы (45%) и значительно реже (за пределами «ядра» — поколение Z (что может быть логично объяснено возрастом экономической активности)). «Поход в первый класс» («начало обучения в школе» у всех поколенческих групп (кроме поколения Застоя) находится в ядре (у этого поколения — близко к ядру (19%), причем предсказуемо — у поколения зумеров значения этого события выше (41%). Окончание школы как значимое событие вспоминают все поколения, причем чаще всего реформенное поколение (37%). Устройство на работу более важно для более молодых поколений (33% у Z и 36% у миллениалов), чем для

старших (24% для реформенного поколения и 16% — для поколения Застоя), что можно вновь объяснить близостью актуального опыта или карьерными ценностными ориентациями. Любопытно, что «Смерть близкого человека» упоминается практически каждым пятым респондентом без ярких значимых отличий между поколениями. Из других, интересных, значимых для конкретных поколенческих групп, событий можно назвать рождение внуков (38%) или выход на пенсию (15%) у представителей поколения Застоя и события, связанные с независимостью от родителей (26%), первый сексуальный опыт (11%) или посещение детского сада (16%) у зумеров. Любопытно, что выбор профессии и первая работа также встречаются у поколения Z значимо чаще, чем у старших поколений.

Что касается оценки эмоциональной валентности события, было выявлено, что доля упоминания событий, имеющих положительную оценку, прямо связана с возрастом участников исследования (старшие указывают больше положительных событий: 23% у поколения Z, 16% — миллениалы, 10% — реформенное поколение, 8% — поколение застоя), ($r = 0,23$), а количество нейтрально оцениваемых событий, напротив, выше у более молодых участников (68% у поколения Z, 76% — миллениалы, 82% — реформенное поколение, 81% — поколение застоя) ($r = 0,31$). При этом для обеих закономерностей значимое влияние оказывает и информация о поколении, к которому принадлежит участник (для первой закономерности $\chi^2 = 47,21$, для второй — $\chi^2 = 87,56$, все $p < 0,01$).

Респонденты в целом, рассказывая свой жизненный сценарий, упоминают, в основном, положительные события (от 68% до 82% в разных поколенческих группах) или положительные и нейтральные события (от 89% до 92% в разных поколенческих группах), что соотнобразуется с более ранними полученными данными (Нуркова, 2018).

Таблица 1

Доля участников исследования каждого поколения, указавших событие того или иного содержания, от общего числа участников исследования того или иного поколения

Содержание события	Поколение			
	Застой	Реформенное	Миллениалы	Z
Дети — рождение	84%	91%	69%	45%
Свадьба, создание семьи	65%	71%	68%	57%
Поступление в вуз/ссуз	43%	47%	40%	53%
Большая покупка	21%	36%	45%	12%
Первый класс, первый поход в школу	19%	29%	24%	41%
Окончание школы (9 или 11 классов)	24%	37%	28%	21%

Примечание: В таблице цветом выделены проценты, соответствующие определению «ядра» (темно-серым) и «периферии» (светло-серым) события для того или иного поколения по классификации Зарагоза (Zaragoza, 2017)

Table 1

The proportion of study participants of each generation who indicated an event of a particular content, out of the total number of study participants in a given generation

Event Description	Generation			
	Stagnation	Reform	Millenials	Z
Birth of children	84%	91%	69%	45%
Marriage	65%	71%	68%	57%
University Admission	43%	47%	40%	53%
Big Purchases	21%	36%	45%	12%
School Admission	19%	29%	24%	41%
School Finishing	24%	37%	28%	21%

Note: In the table, the percentages corresponding to the definition of “core” (dark gray) and “periphery” (light gray) of an event for a particular generation according to the classification by Zaragoza are highlighted in color (Zaragoza, 2017)

По содержанию описываемых событий, более молодые участники исследования чаще описывали события дружеско-романтической сферы (связь с возрастом $r = -0,33$) и карьерно-профессионального развития ($r = -0,19$) (Таблица 3). Старшие участники, напротив, чаще указывали события, связанные с построением и развитием семьи ($r = 0,34$). Для каждой из указанных закономерностей дополнительным значимым фактором является и учет поколения участника (оценки моделей: $\chi^2_1 = 158,61$, $\chi^2_2 = 39,26$,

$\chi^2_3 = 112,33$, все $p < 0,01$). Отметим при этом, что для событий профессионально-карьерного развития наблюдается не полностью линейная связь частоты упоминания таких событий с поколением — участники поколения Застоя и Реформенного поколения указывают их реже (5% и 6%, соответственно), чем участники из поколения Миллениалов и поколения Z (12% и 11%), при этом внутри указанных пар различия в частоте упоминаний не такие значительные (в рамках 1%).

Таблица 2

Средняя доля событий, относящихся к содержательным категориям, от общего числа описанных в одном протоколе участника исследования

Категория описываемого события	Поколение			
	Застой	Реформенное	Миллениалы	Поколение Z
Дружеско-романтическая сфера	3%	5%	9%	22%
Образовательно-карьерное развитие	5%	6%	12%	11%
Семья	62%	55%	47%	33%
Субъективное состояние	3%	3%	5%	17%

Table 2

Average proportion of events related to content categories out of the total number described in one protocol of a study participant

The category of an event	Generation			
	Stagnation	Reform	Millenials	Z
Friendship / Romance	3%	5%	9%	22%
Education / Career	5%	6%	12%	11%
Family	62%	55%	47%	33%
Subjective State	3%	3%	5%	17%

Молодые участники также чаще дают ответы, описывающие субъективные состояния, а не объективные события ($r = -0,31$). При этом учет фактора поколения также дает дополнительную оценку значимости ($\chi^2 = 166,16$, $p < 0,01$) — представители поколения Z описывают значительно больше субъективных состояний, чем представители других поколений (даже близкие к ним по возрасту участники-миллениалы).

События собственной жизни чаще описывают более молодые участники ($r = -0,4$), а события жизни близких — старшие ($r = 0,39$). При этом фактор поколения не дает значимого прироста в объяснении данных переменных ($p > 0,05$).

Существует несколько содержательных групп событий, для которых значим учет только фактора поколения, а возраст участника не имеет значимой связи с частотой упоминания события: (1) события, описывающие большие покупки, значительно чаще упоминаются представителями поколения Миллениалов ($\chi^2 = 66,73$, $p < 0,01$); (2) окончание школы детьми чаще описывают представители реформенного поколения ($\chi^2 = 8,46$, $p < 0,01$); (3) значительно реже описывают событие окончания вуза ($\chi^2 = 5,85$, $p < 0,01$) и события, связанные с участием в выездных практиках/туристических поездках ($\chi^2 = 1,82$, $p < 0,01$) участники из поколения Z. (4) События, связанные со службой в армии, чаще описывают представители поколения Застоя и Миллениалы ($\chi^2 = 13,03$, $p < 0,01$). События, объясняемые лишь фактором поколения и не фактором возраста, не попадают в «ядерную» зону сценария и часто оказываются даже вне периферии, что интерпретируется нами ниже.

Напротив, существуют и такие содержательные группы событий, для которых значимым является только возраст участника, а не то, к какому поколению он относится: старшие участники чаще описывают в ряду событий вступление в коммунистическую партию ($r = 0,16$) и свадьбу детей ($r = 0,11$), а младшие — появление домашних питомцев ($r = -0,16$), получение первой работы ($r = -0,07$) и первого заработка ($r = -0,07$), а также первый поцелуй ($r = -0,08$). Больше всего закономерностей упоминания событий из той или иной содержательной группы указывают на важность учета как фактора возраста участников, так и их отношения к тому или иному поколению. Напомним, что положительная связь с возрастом свидетельствует о большей частоте упоминания этих событий старшими участниками исследования, а отрицательная — младшими участниками.

Помимо этого, старшие участники склонны описывать восприятие разных событий своими родителями как «более положительные» ($r = 0,12$) и реже отмечать их оценку как «такую же, как у моего поколения» ($r = -0,1$). При этом склонность воспринимать описываемые события как оцениваемые своими родителями как «более отрицательные» не имеет значимой

связи с возрастом, при этом значимо связана с фактором поколения участника исследования ($\chi^2 = 7,45$, $p < 0,05$). Чаще всего оценивают события как «более отрицательные» для родителей представители поколения Z (средняя частота 12%), реже всего — представители Реформенного поколения (8%), остальные представители оценивают так в среднем 11% описываемых событий.

Главный вопрос данного исследования — **о соотношении факторов поколения и возраста в оценке событий**, и для удобства визуализации и анализа этих результатов все события были разделены нами на четыре группы (Таблица 3): (1) Группа событий, для которой значимую связь имеет как фактор возраста, так и фактор поколения участника исследования; (2) Группа, в которой частота упоминания события значимо связана только с фактором возраста участника; (3) Группа, в которой частота упоминания значимо связана только с фактором поколения участника; (4) Группа, частота упоминания событий в которой не имеет значимой связи ни с возрастом, ни с поколением участника.

Анализ соотношения факторов поколения и возраста в КЖС респондентов показывает:

(А) **Фактор поколений** отдельно от возраста **объясняет очень малое количество событий**: в ядре поколенческих сценариев — только «большие покупки» (недвижимость, автомобили) у миллениалов. Этот результат лишь на первый взгляд кажется уменьшающим значимость выделения поколений как социальных групп. С одной стороны, он в целом говорит о неразрывной связи возраста и поколений и невозможности полного отделения этих переменных. С другой стороны, этот результат может быть проинтерпретирован с позиции необходимости пересмотра границ поколенческих групп, о чем будет сказано ниже.

(Б) Среди событий, где и поколение, и возраст показывают значимые межпоколенческие различия, бросаются в глаза **яркие отличия «зумеров»** по сравнению с другими поколенческими группами: они значимо отличаются по 8 параметрам из 13, что позволяет предположить, что отличия поколения Z от других трех поколений больше, чем отличия этих поколений между собой. При этом содержательно эти отличия касаются как дружеско-романтической, так и профессионально-карьерной и семейной сфер.

(В) Любопытно, что **упоминание конвенционально негативных событий**, таких как расставание, развод, смерть близкого человека (а также попавших в этот перечень «военных действий», перечисление которых свидетельствует о нетипичном понимании инструкции к методике) — все **не подлежат ни возрастному, ни поколенческому влиянию**. Как упоминалось ранее, негативные события в целом редко попадают в ядро КЖС (Нуркова, 2018) (кроме смерти близких людей) и при этом в целом одинаково оцениваются всеми поколениями, включая молодое поколение Z, чаще перечисляющее события своей

жизни, а не жизни близких (в отличие от старших поколений). Отказ от индивидуалистических паттернов в этом вопросе показывает универсальность

значимости вопросов жизни и смерти, роли близких и их утраты вне зависимости от поколенческой принадлежности.

Таблица 3

Распределение категорий событий по их содержанию по значимости связи с частотой их упоминания факторов возраста и поколения участников исследования

	Фактор поколения участника значимо связан с частотой упоминания события	Фактор поколения участника значимо НЕ связан с частотой упоминания события
Фактор возраста участника значимо связан с частотой упоминания события	<p>Первая любовь, первые отношения (Z) Независимость от родителей (Z) <i>Дружба, первый друг (Z)</i> <i>Первый сексуальный опыт (Z, миллениалы)</i> Устройство на работу, работа (Z, миллениалы) <i>Сдача экзаменов (Z)</i> <i>Детский сад (Z)</i> <i>Выбор профессии (Z)</i> <i>Выход на пенсию (Застой)</i> <i>Дети — поступление в вуз/ссуз (Реформенное)</i> Внуки — рождение (Застой) Дети — рождение (Застой, Реформенное)</p>	<p><i>Вступление в коммунистическую социализационную структуру (старший возраст)</i> <i>Дети — свадьба (старший возраст)</i> <i>Домашний питомец (младший возраст)</i> <i>Первая работа (младший возраст)</i> <i>Первый поцелуй (младший возраст)</i></p>
Фактор возраста участника значимо НЕ связан с частотой упоминания события	<p>Большая покупка (Миллениалы)</p>	<p><i>Военные действия в мире</i> Окончание школы (9 или 11 классов) Поступление в вуз/ссуз <i>Развод, расставание</i> Смерть близкого человека, родственника</p>

Примечание: Указаны только события, попавшие в ядро или на периферию жизненных сценариев респондентов хотя бы у одного поколения (ядро — жирным шрифтом, периферия — курсивом). В скобках указано поколение, для которого данное событие оказалось наиболее значимым

Table 3

Distribution of categories of events according to the significance of the relationship with the frequency of their mentioning factors of age and generation of the study participants

	Generation factor is significantly related to the frequency of mentioning the event	Generation factor is NOT significantly related to the frequency of mentioning the event
Age factor is significantly related to the frequency of mentioning the event	<p>First Love (Z) Independence from Parents (Z) <i>First Friendship (Z)</i> <i>First Sex (Z, millennials)</i> First Job (Z, millennials) <i>Exams (Z)</i> <i>Kindergarten (Z)</i> <i>Profession Choice (Z)</i> <i>Retirement (Stagnation Gen.)</i> <i>Kids' University Admission (Reform Gen.)</i> Grandchildren Birth (Stagnation Gen.) Birth of Children (Reform, Stagnation Gens.)</p>	<p><i>Communist Organization Entry (older people)</i> <i>Kids' marriage (older people)</i> <i>Getting a pet (younger people)</i> <i>First Job (younger people)</i> <i>First Kiss (younger people)</i></p>
Age factor is NOT significantly related to the frequency of mentioning the event	<p>Big Purchase (Millennials)</p>	<p><i>Hostilities</i> School Finishing University Admission <i>Divorce</i> Close People / Relatives Death</p>

Note: Only events that fell into the core or periphery of respondents' life scenarios for at least one generation are indicated (core — in bold, periphery — in italics). The generation for which this event was most significant is indicated in brackets

Интерпретация результатов

В интерпретации результатов последовательно представлены (1) особенности КЖС описанных поколенческих групп и (2) анализ возможности исследования КЖС в контексте поколенческого и возрастного-психологического фактора.

Особенности КЖС разных поколенческих групп

1. Полученные в описываемом здесь исследовании данные **соответствуют общей событийной картине КЖС**, полученной в российских и европейских исследованиях ранее (Нуркова, 2018; Bohn, Bundgaard-Nielsen, 2021): в «ядро» сценария входят события из области семейной сферы (рождение детей, заключение брака, смерть родителей), образовательной и профессионально-карьерной области (поступление в вуз или школу, первая работа), дружеско-романтической сферы (влюбленность). При беглом анализе поколенческие и возрастные отличия внутри выборки можно как будто бы проигнорировать в силу кажущейся однообразности сценария. Так, все поколения выделяют, в основном, только положительные события, отрицательные — практически не упоминаются. Первые два события в рейтинге у всех поколений тоже одинаковые — это «рождение детей» и «заключение брака» (семейная сфера), III место в рейтинге — практически у всех поколений — про получение образования.

Однако тезис некоторых исследователей об отсутствии поколенческих отличий внутри КЖС (Berntsen, Rubin, 2004) опровергается уже на поверхностной стадии анализа. Даже в восприятии базовых событий наблюдаются различия: старшее поколение (Застоя) отправляет «влюбленность» на периферию КЖС, а среди зумеров это событие называет почти 60% опрошенных. «Первая работа» у всех четырех поколений находится на периферии КЖС, но если у поколения Застоя — она практически попадает во внесценарные события (5%), то у зумеров «Первая работа» называется в два раза чаще.

2. Некоторые, важные для КЖС, особенности связаны **и с возрастом, и с принадлежностью к поколенческой группе**.

Во-первых, респонденты склонны чаще называть близкие по времени происшествия события: например, поколение Z чаще называет «первый сексуальный контакт» и «начало обучения в школе», а поколение Застоя — «выход на пенсию» и «рождение внуков». Это показывает, что КЖС как комплексная социальная установка естественным образом оказывается подвержена и влиянию памяти, и свежести эмоциональной реакции по отношению к тому или иному событию.

Во-вторых, описываемые респондентами события легко объединяются в группы событий и показывают

яркие поколенческие отличия: поколение миллениалов и в особенности поколение Z чаще воспроизводят события из дружеско-романтической и образовательно-карьерной сфер, а поколение Застоя и в особенности реформенное поколение — из области семейных отношений.

В-третьих, молодежь чаще вспоминает про события своей жизни, а более старшие поколения — события жизни других, что красиво отображает и возрастную трансформацию ценностных ориентаций, и поколенческие особенности. Так, отмечалось, что старшие поколения (в особенности, поколения Застоя) в нашей стране больше ориентировано на коллективистические ценности, а младшие (зумеры и миллениалы) — на индивидуалистические (Рикель, Доренская, 2017).

В-четвертых, молодое поколение убеждено, что аналогичные события (например, рождение детей) в жизни их родителей наступали раньше, чем у них. Эта закономерность кажется логичной и подтверждающей стереотипы и аутостереотипы о так называемой инфантилизации и растягивании периода взросления у представителей молодого поколения начала XXI века (Тихомандрицкая, Рикель, 2022), что также можно рассмотреть и в возрастном, и в поколенческом разрезе.

В-пятых, чем старше поколение — тем больше его представители воспроизводят событий, которые они считают положительными, и тем меньше — нейтральных. Для младших поколений тенденция обратная. Этот факт любопытен и может быть проинтерпретирован с позиции возрастных изменений в русле, по сути, психоаналитической позиции: с возрастом человеку, возможно, свойственно активнее использовать защитные механизмы и обращать внимание лишь на положительные события в своей жизни. Возможно, своеобразное подведение «итогов» жизни также требует реконструкции по большей части положительного опыта. «Поколенческая» интерпретация этого факта подразумевает рациональность и «антироманτικότητα» молодого поколения (зумеров и отчасти миллениалов) в современном российском обществе (Рикель, Дорохов, 2023), которые подразумевают свободный и иногда критический взгляд на различные события. Не противоречит это и «возрастному» объяснению: возраст современных зумеров подразумевает юношеский максимализм и радикальные эмоциональные оценки.

3. Если говорить о конкретных поколенческих группах, то можно кратко составить следующую характеристику, опираясь исключительно на те события, которые показали либо только важность поколенческого фактора, либо значимость, как поколенческого, так и возрастного фактора одновременно.

Поколение Застоя значительно чаще называет рождение внуков и выход на пенсию в числе значимых событий, при этом свое рождение вспоминают в среднем в два раза реже, чем представители других поколений. Логично, что именно эта социальная группа

редко, но все же вспоминает вступление в коммунистические организации (пионерия, комсомол), чаще говорит о службе в армии (в 2–5 раз), чаще (вопреки инструкции) вспоминает о войнах (в 2–3 раза). Анализ поколенческого и возрастного фактора показывает, что события в жизни других людей (чаще семьи, но иногда общества) оказывается более значимым для поколения Застоя, чем для всех других поколенческих групп, что подтверждает аналогичные результаты в зарубежных исследованиях (Grysmán, Dimakis, 2018).

Для **реформенного поколения** «рождение детей» и «свадьба / брак» гораздо более «ядерные» категории, чем для других поколенческих групп. При наличии столь ярко выраженных семейных ценностей упоминаемые ими события в основном характеризуют их собственную жизнь, а не жизнь других людей (хотя они значимо чаще вспоминают окончание школы, возможно потому, что это событие близко поколению их детей).

Миллениалы — это поколение, у которых у 31% опрошенных в списке важных событий нет рождения ребенка. У зумеров это событие не вспоминают до 55% опрошенных, однако, результат миллениалов представляется более любопытным: ведь этим людям сейчас от 22 до 40 лет, что могло бы приблизить их к мысли о деторождении. Тот факт, что это не происходит, может говорить о существующем чайлд-фри-тренде среди представителей более молодых поколений. Если поколение Застоя не вспоминает «устройство на работу» и «выбор профессии», а реформенное поколение делает это редко, то для миллениалов устройство на работу входит в топ-5 событий, что лишним раз подтверждает как возрастную актуальность карьерных стратегий для этого поколения, так и индивидуалистические ценности, о которых говорилось выше.

Наконец, **зумеры** — наиболее отличающееся от трех других групп поколение (по количеству значимо отличающихся групп событий). На первое место они ставят «Первую любовь / первые отношения», среди значимых событий выделяют «первый поцелуй» и «сексуальный контакт». Они реже всех поколений вспоминают «рождение детей» (но при этом, как и другие, ставят на второе место «создание семьи»), чаще упоминают «выбор профессии» и «первую работу». Все эти события очевидным образом близки им во временном континууме, однако есть три параметра, на которые необходимо обратить отдельное внимание.

(1) Поколение Z значимо чаще называют субъективные психологические состояния в качестве событий («влюбленность», «утрата» и пр.), что можно объяснить нормативным для этого поколения, вниманием к себе, ориентацией на свои чувства, выраженной рефлексией (Twenge et al., 2012; Puchkova et al., 2017).

(2) В этом же смысле именно поколение Z приводит больше всего событий из своей собственной жизни и меньше всего — из жизни близких людей, лишним раз подтверждая выраженность индивидуалистических ценностных ориентаций (Рикель, Доренская, 2017).

(3) Наконец, именно поколение Z ярче всего демонстрирует часто упоминаемый в исследованиях тренд (Костромина и др., 2018) на индивидуализацию жизненных сценариев, то есть наблюдающееся по всему миру снижение параметров единообразия и обязательности последовательностей реализации жизненного пути. Все традиционные жизненные этапы становятся более сложными, витиеватыми, традиционные рамки возрастных этапов (например, взросления) размываются и дешаблонизируются (Arnett, Tanner, 2016). На примере описываемого здесь исследования и результатов поколения этот факт можно показать математически: у зумеров нет ни одного события, набирающего в совокупности более 59% (у миллениалов единогодушие по отдельным событиям достигает 69%, у реформенного поколения — 91%, у поколения Застоя — 84%); при этом среднее значение упоминания пяти самых частотных событий у зумеров составляет 42%, что ниже, чем у оставшихся поколенческих групп). В связи с этим возникает риторический вопрос: насколько сценарий, разделяемый в среднем 42% выборки можно называть культурным жизненным?

Выводы

1. Главным **выводом** данного исследования можно назвать ответ на вопрос, насколько оправдано выделение поколенческих групп для изучения психологических паттернов, или достаточно исследовать возрастной фактор. Так, выше было показано, что не менее тринадцати групп событий подпадают под влияние как возрастных, так и поколенческих переменных, что свидетельствует о том, что, **отказываясь от понятия «поколение», мы теряем** не просто удобный способ стратификации, но и **принцип объяснения**, основанный на влиянии социально-психологического контекста.

2. При этом как быть с тем эмпирическим фактом, что, взятый отдельно, только поколенческий фактор (без возрастного) объясняет всего одну группу событий? Нам представляется, что этого результата можно избежать в случае **пересмотра границ поколений**. Упомянутая выше определенная искусственность в их установлении, а также слишком значительный возрастной разброс внутри одной поколенческой группы (18–20 лет) должны заставить исследователей принять методологически компромиссное решение между радикальным отказом от стратификации и существующим ныне, изучением громоздких поколенческих групп. В качестве такого решения авторам представляется логичным **дробление каждого из поколений на подгруппы**. Устаревшая и неактуальная для социально-психологического контекста, но все еще господствующая привязка к 18–20 летним промежуткам, видимо, связанная с демографической традицией связывать рамки поколения с возрастом деторождения, мешает корректной современной

научной трактовке понятия. Представляется, что чем большую дифференциацию получают «новые» поколения внутри существующих поколенческих групп — тем четче можно будет описать как контекст социализации, так и особенности психологического портрета. При этом излишнее дробление не пойдет на пользу научному знанию, ибо лишит классификацию прикладного смысла.

Тем не менее, несмотря на то, что этот анализ предвратителен, нам кажется, что выделение *квази*поколений позволит: (1) лучше отслеживать динамику того или иного тренда межпоколенческого взаимодействия, (2) создать более четкий психологический портрет конкретного поколения, (3) выделить больше характеристик, подлежащих именно поколенческому, а не возрастному влиянию.

Список литературы

- Гришина, Н.В. (Ред.). (2019). Психология личности: Пребывание в изменении. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Костромина, С.Н., Гришина, Н.В., Зиновьева, Е.В., Москвичева, Н.Л. (2018). Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 8(4), 341–357. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.403>
- Левада, Ю.А. (2011). Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000–2005. Москва: Издатель Карпов Е.В.
- Марцинковская, Т.Д., Полева, Н.С. (2017). Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение. *Мир Психологии*, 89(1), 24–37.
- Нуркова, В.В. (2018). Жизнь — инструкция по применению: результаты графической экспликации культурного жизненного сценария. *Международный журнал исследований культуры*, 30(1), 55–73.
- Полушкевич, О.А. (2020). Жизненный сценарий поколений. *Социология*, (3), 28–45.
- Радаев, В.В. (2018). Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. *Социологические исследования*, (3), 15–33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>
- Радаев, В.В. (2020). Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть). *Социологический журнал*, 26(3), 30–63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>
- Рикель, А.М., Доренская, С.В. (2017). Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества. *Российский психологический журнал*, 14(4), 15–25.
- Рикель, А.М., Дорохов, Е.А. (2023). Поколение как предмет социальной психологии: исследовать нельзя отказаться? *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 46(3), 143–165.
- Розин, В.М. (2017). Как можно помыслить представление о будущих поколениях. *Мир Психологии*, 89(1), 78–88.
- Сиврикова, Н.В., Постникова, М.И., Солдатова, Е.Л., Пташко, Т.Г., Черникова, Е.Г., Шевченко, А.А. (2019). Сравнительный анализ жизнестойкости представителей разных поколений современной России. *Российский психологический журнал*, 16(1), 144–165. <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.7>
- Тихомандрицкая, О.А., Рикель, А.М. (2022). (Не)взрослое поколение: модель исследования поколенческой относительности оценки зрелости. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Психология и педагогика*, 19(2), 209–232.
- Arnett, J.J., Tanner, J.L. (2016). The Emergence of “Emerging Adulthood.” *Handbook of Youth and Young Adulthood*: 2nd ed. London: Routledge.
- Berntsen, D., Rubin, D.C. (2004). Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory. *Memory and Cognition*, 32(3), 427–443.
- Bohn, A., Bundgaard-Nielsen, R.L. (2021). Not “weird” but truly different: Cultural life scripts and autobiographical memory in indigenous Australia. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 10(1), 85–94. <https://doi.org/10.1037/h0101788>
- Erskine, R.G. (Ed.). (2010). *Life Scripts: A transactional analysis of unconscious relational patterns*. London: Karnac Books.
- Grysmann, A., Dimakis, S. (2018). Later adults’ cultural life scripts of middle and later adulthood. *Aging, Neuropsychology, and Cognition*, 25(3), 406–426. <https://doi.org/10.1080/13825585.2017.1319458>
- Howe, N., Strauss, W. (2018). *Millennials Rising: The Next Generation*. New York: Vintage Books.
- Janssen, S., Haque, S. (2018). The transmission and stability of cultural life scripts: A cross-cultural study. *Memory*, 26(1), 131–143. <https://doi.org/10.1080/09658211.2017.1335327>
- Janssen, S.M., Uemiyama, A., Naka, M. (2014). Age and gender effects in the cultural life script of Japanese adults. *Journal of Cognitive Psychology*, 26(3), 307–321.
- Keyes, K.M., Li, G. (2012). Age-period-cohort modeling. *Injury Research: Theories, Methods, and Approaches*. Boston: Springer.
- Lyons, S.T., Schweitzer, L., Urick, M.J., Kuron, L. (2019). A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace. *Journal of Intergenerational Relationships*, 17(1), 1–24. <https://doi.org/10.1080/15350770.2018.1500332>
- Puchkova, E., Sukhovshina, Yu., Temnova, L. (2017). A study of Generation Z’s involvement in virtual reality. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(4), 134–143.
- Rikel, A.M. (2019). Generation as a social-psychological research object: playing at home or an away match? *Social Policy and Society*, 10(2), 9–18.
- Scherman, A.Z., Salgado, S., Shao, Z., Berntsen, D. (2017). Life script events and autobiographical memories of important life story events in Mexico, Greenland, China, and Denmark. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 6(1), 60–73.
- Stepankova, L., Kadlickova, D., Zaragoza, S. (2020). Czech and Slovak life scripts: the rare case of two countries that used to be one. *Memory*, 28(10), 1204–1218. <https://doi.org/10.1080/09658211.2020.1828476>

- Twenge, J.M., Campbell, W.K., Gentile, B. (2012). Generational increases in agentic self-evaluations among American college students, 1966–2009. *Self and Identity*, 11(4), 409–427.
- White, J. (2013). ‘Thinking Generations’. *British Journal of Sociology*, 64(2), 216–247.
- Wilkinson, D., Dunlop, W. (2022). Ethnic-Racial Life Scripts: Relations with Ethnic-Racial Identity and Psychological Health. *Emerging Adulthood*, 10(2), 402–419. <https://doi.org/10.1177/2167696820968691>

References

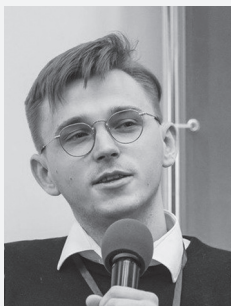
- Arnett, J.J., Tanner, J.L. (2016). The Emergence of “Emerging Adulthood.” *Handbook of Youth and Young Adulthood*: 2nd ed. London: Routledge.
- Berntsen, D., Rubin, D.C. (2004). Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory. *Memory and Cognition*, 32(3), 427–443.
- Bohn, A., Bundgaard-Nielsen, R.L. (2021). Not “weird” but truly different: Cultural life scripts and autobiographical memory in indigenous Australia. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 10(1), 85–94. <https://doi.org/10.1037/h0101788>
- Erskine, R.G. (Ed.). (2010). *Life Scripts: A transactional analysis of unconscious relational patterns*. London: Karnac Books.
- Grishina, N.V. (Ed.). (2019). *Personality psychology: Staying in change*. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Publishing house. (In Russ.).
- Grysmán, A., Dimakis, S. (2018). Later adults’ cultural life scripts of middle and later adulthood. *Aging, Neuropsychology, and Cognition*, 25(3), 406–426. <https://doi.org/10.1080/13825585.2017.1319458>
- Howe, N., Strauss, W. (2018). *Millennials Rising: The Next Generation*. In *Small Business and the City*. New York: Vintage Books.
- Janssen, S., Haque, S. (2018). The transmission and stability of cultural life scripts: A cross-cultural study. *Memory*, 26(1), 131–143. <https://doi.org/10.1080/09658211.2017.1335327>
- Janssen, S.M., Uemiyá, A., Naka, M. (2014). Age and gender effects in the cultural life script of Japanese adults. *Journal of Cognitive Psychology*, 26(3), 307–321.
- Keyes, K.M., Li, G. (2012). *Age-period-cohort modeling. Injury Research: Theories, Methods, and Approaches*. Boston: Springer.
- Kostromina, S.N., Grishina, N.V., Zinovieva, E.V., Moskvicheva, N.L. (2018). Life model as a construct for studying the life scenario of an individual. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologija (Bulletin of St. Petersburg University. Psychology)*, 8(4), 341–357. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.403> (In Russ.).
- Levada, Yu.A. (2011). *Writings: Selected: Sociological Essays, 2000–2005*. Moscow: Publisher Karpov E.V. (In Russ.).
- Lyons, S.T., Schweitzer, L., Urick, M.J., Kuron, L. (2019). A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace. *Journal of Intergenerational Relationships*, 17(1), 1–24. <https://doi.org/10.1080/15350770.2018.1500332>
- Martsinkovskaya, T.D., Poleva, N.S. (2017). Generations of the era of transitivity: values, identity, communication. *Mir Psihologii (World of Psychology)*, 89(1), 24–37. (In Russ.).
- Nurkova, V.V. (2018). Life — instructions for use: the results of a graphic explication of a cultural life scenario. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury (International Journal of Cultural Studies)*, 30(1), 55–73. (In Russ.).
- Polyushkevich, O.A. (2020). Life scenario of generations. *Sociologija (Sociology)*, (3), 28–45. (In Russ.).
- Puchkova, E., Sukhovershina, Yu., Temnova, L. (2017). A study of Generation Z’s involvement in virtual reality. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(4), 134–143.
- Radaev, V.V. (2018). Millennials compared to previous generations: An empirical analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniya (Sociological research)*, (3), 15–33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>
- Radaev, V.V. (2020). The divide among the millennial generation: Historical and empirical justifications. (Part one). *Sotsiologicheskii Zhurnal (Sociological journal)*, 26(3), 30–63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>
- Rickel, A.M., Dorokhov, E.A. (2023). Generation as a subject of social psychology: one cannot refuse to study? *Lomonosov Psychology Journal*, 46(3), 143–165. (In Russ.).
- Rikel, A.M. (2019). Generation as a social-psychological research object: playing at home or an away match? *Social Policy and Society*, 10(2), 9–18.
- Rikel, A.M., Dorenskaya, S.V. (2017). Socio-psychological model of values of different generations of modern Russian society. *Rossiiskii Psihologicheskii Zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 14(4), 15–25. (In Russ.).
- Rozin, V.M. (2017). How can one conceive the idea of future generations. *Mir Psihologii (World of Psychology)*, 89(1), 78–88.
- Scherman, A.Z., Salgado, S., Shao, Z., Berntsen, D. (2017). Life script events and autobiographical memories of important life story events in Mexico, Greenland, China, and Denmark. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 6(1), 60–73.
- Sivrikova, N.V., Postnikova, M.I., Soldatova, E.L., Ptashko, T.G., Chernikova, E.G., Shevchenko, A.A. (2019). Comparative analysis of the resilience of representatives of different generations of modern Russia. *Rossiiskii Psihologicheskii Zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 16(1), 144–165. <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.7> (In Russ.).
- Stepankova, L., Kadlcikova, D., Zaragoza, S. (2020). Czech and Slovak life scripts: the rare case of two countries that used to be one. *Memory*, 28(10), 1204–1218. <https://doi.org/10.1080/09658211.2020.1828476>
- Tikhomandritskaya, O.A., Rikel, A.M. (2022). The (non-)adult generation: a model for studying generational relativity in assessing adulthood. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija Psihologija i Pedagogika (Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series Psychology and Education)*, 19(2), 209–232. (In Russ.).
- Twenge, J.M., Campbell, W.K., Gentile, B. (2012). Generational increases in agentic self-evaluations among American college students, 1966–2009. *Self and Identity*, 11(4), 409–427.
- White, J. (2013). ‘Thinking Generations’. *British Journal of Sociology*, 64(2), 216–247.
- Wilkinson, D., Dunlop, W. (2022). Ethnic-Racial Life Scripts: Relations with Ethnic-Racial Identity and Psychological Health. *Emerging Adulthood*, 10(2), 402–419. <https://doi.org/10.1177/2167696820968691>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Александр Маркович Рикель, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, a.m.rikel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>

Alexander M. Rikel, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, a.m.rikel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>

Егор Андреевич Дорохов, аспирант кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; консультант Управления оценки персонала Университета Банка России, Москва, Российская Федерация, dorohov.e@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7433-2046>

Egor A. Dorokhov, Graduate Student in Psychology at the Department of Psychology of Personality, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Consultant at the Bank of Russia, Moscow, Russian Federation, dorohov.e@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7433-2046>

Поступила: 15.02.2023; получена после доработки: 26.04.2023; принята в печать: 15.04.2024.

Received: 15.02.2023; revised: 26.04.2023; accepted: 15.04.2024.